

DOI 10.32726/2411-3417-2022-4-7-14

УДК 327; 94

Наталия Нарочницкая

Россия и Сербия в эпоху перемен: Линии напряжения европейской истории XIX–XXI вв. I. Сербия в новом столкновении России и Запада

Аннотация. 2022 г. стал рубежом эпох, годом беспрецедентного столкновения России и Запада, в котором следует видеть не только конфликт геополитических позиций, но и борьбу альтернативных интерпретаций прогресса и будущего человечества. В этом контексте подавление сопротивления Сербии, географически сдавленной НАТО, — для Запада особая задача не только из-за стратегического положения данной балканской страны. Сербы остаются одним из немногих европейских народов, упорно не поддающихся навязыванию постмодернистских, выдаваемых за универсальные, стандартов развития. А сербское тяготение к России имеет глубокие корни в неискоренимой цивилизационной родственности, параллелизме исторических испытаний, вековой связанности судеб русского мира и сербства в геополитических противостояниях и трансформациях. Статья открывает цикл, посвященный ретроспективному рассмотрению разных аспектов этого феномена.

Ключевые слова: Россия и Запад, противостояние интересов и ценностей, Сербия, российско-сербские связи, образ России в Сербии, исторические параллели, геополитические проекты, европейские конфликты.

Англосаксонский мир, Польша, снедаемая антирусской паранойей и утратившая всякую «ясновельможную» культурность, «полинявшая» Европа — пародия на собственный классический образ, фактически объявили против России и Русского мира крестовый поход, который по напряжению всепоглощающей страсти превосходит противостояния прежних эпох. Поистине, как писал в 1863 г. Ф.И. Тютчев о ненависти к России, «такого ополченья мир не видал с первоначальных дней...»¹.

1 ...И целый мир, как опьяненный ложью, / Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью / Людская кривда к бою не звала!..
О край родной! — такого ополченья / Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье! / Мужайся, стой, крепись и одолей!

Август 1863

Ф.И. Тютчев «Велико, знать, о Русь, твое значенье!»

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, член Общественной палаты РФ, иностранный член Сербской академии наук и искусств, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

О неизбежности столкновения не только и не столько интересов, в традиционном понимании, но и стратегий будущего цивилизации свидетельствовало слишком многое. Расширение НАТО до границ России; неустанные попытки поглотить Сербию — недостающий на Балканах элемент евроатлантической целостности; вожделения Стамбула стать снова «Блистательной Портой», вернуть себе ключи от Проливов и определять судьбу Черноморского бассейна и Закавказья; грехопадение Украины в каинову ревность к «московитам» и превращение ее в инструмент мировой войны англосаксов против России — все эти явления нельзя назвать неожиданными. Мир уже два десятилетия шел к критической точке и был свидетелем проявления традиционных, знакомых с XIX в. геополитических устремлений, к которым добавилась еще и борьба за энергоресурсы. Цветные революции, устранение негодных режимов осуществлялись на военно-стратегических подступах и к Черноморским проливам, и к путям транспортировки углеводородов. Балканы, побережья Средиземного моря, Северная Африка, Ближний Восток, Черное море и российское Предкавказье — это не только неизменные с античности важные военно-стратегические позиции, это еще и очертания мирового углеводородного эллипса — главной кладовой легко извлекаемых энергоресурсов и путей их транспортировки.

Многое, включая возвращение Восточного вопроса, преемственность англосаксонской политики и неизбежность превращения Украины во враждебное государство, было предсказано еще 20 лет назад, но воспринималось как экстравагантное историко-философское экстраполирование канувших в Лету мотиваций и догматическое отрицание всесильной роли либеральных ценностей и вселенской демократии [См. Нарочницкая Н.А.].

Однако ценности классического либерализма, чье обаяние долго увлекало посткоммунистическую интеллигенцию, заслоняя реальные процессы в Европе, быстро обернулись в начале XXI в постмодернистским ценностным нигилизмом. Этот нигилизм превращен в «единственно верное» учение властных структур и мощного информационного спрута. Новый «манифест либертариистской партии» — уже не «призрак, который бродит по Европе», это обязательная мировоззренческая парадигма в образовательных учреждениях, ей надо публично присягать и политику, и деятелю культуры. Отрицание влечет остракизм от общественного порицания до травли и уже реальных репрессивных мер. Все это рождает невиданное даже в эпоху столкновения коммунизма со «свободным миром» противостояние экзистенциального масштаба, которое нужно рассматривать и оценивать в историко-философском и религиозно-философском ключе. Это столкновение альтернативных интерпретаций прогресса и будущего человечества, толкования самого смысла его существования. Это крестовый поход «философии конца истории» — истории без всякого нравственного целеполагания — против русского ответа: модернизации с сохранением традиционных ценностей и христианских основ общеевропейской культуры.

Европа апостола Петра стала воплощением апостасии и открыто бросила вызов собственным христианским корням, выросшей из них великой европейской культуре

и даже богоданной природе человека — мужчины и женщины. Это уже подлинный, а не гипотетический (как у О. Шпенглера) «закат Европы». Европа отрекается от своего великого прошлого. Его героика и идеал, само «безумство гибельной свободы», — все задано христианским духом. Ныне «суверенным» в плену плоти и гордыни индивидам чужды декартовы «страсти души», их удел — «эгоизм и нарциссизм», как и предсказывал блестящий публицист, философ «царства Банка» Ж. Аттали [См. Аттали].

Православная ойкумена, за исключением Сербии, почти не сопротивляется, но Россия — как во времена Наполеона или Гитлера — приняла вызов. Все это вновь повысило историческую роль Балканского региона, где западная постмодернистская цивилизация стремится к поглощению поствизантийского пространства через фрагментацию.

Образ и роль России в сербском сознании

Сопротивление Сербии, географически сдавленной НАТО, заслуживает не только уважения, но и рассмотрения этого феномена как примера неуязвимости религиозно-философских основ исторического сознания, как явления суверенного духа. Подавление Сербии — для Запада особая задача не только из-за стратегического положения страны, от которой целенаправленно оторвали и включили в НАТО Черногорию с бухтой Которской, лишив Сербию выхода к морю. Войны за контроль над побережьями Средиземного моря шли с Пунических войн между Римом и Карфагеном. Но моральный дух сербов, не сломленный агрессией НАТО, остался жив и после национальной катастрофы по итогам Дейтона и Гаагского трибунала (серой зоны, где не действовало международного право) и трагического завершения судьбы президента С. Милошевича.

Сегодня сербское сопротивление можно сравнить с ярким языком пламени в затухающем очаге славянского самостояния в истории. Подобная эмоциональная оценка неизбежно возникает у историка, который являлся свидетелем бомбардировок Белграда в 1999 г. и других событий последних 30 лет. Теперь, в самый разгар русофобской кампании и «отмены» русской культуры в Европе, в Белграде можно наблюдать то многотысячную манифестацию, исполняющую российский гимн под стенами американского посольства, то полные трибуны стадиона, скандирующие «русские и сербы — братья навек». Как отметил президент Сербии А. Вучич, сербы остаются одним из немногих народов, упорно не поддающихся глобализации и навязыванию постмодернистских, выдаваемых за универсальные, стандартов социокультурного развития.

Тем не менее, феномен сербской верности — это не только чувство, привязанность, родство на уровне сердца, не поколебавшиеся даже после предательства Россией 1990-х, занятой угождением недавнему противнику. Сравним: для болгар Россия и русские сделали куда больше, но болгарская элита почти сразу после Шипки повернула к Германии и оказалась инструментом враждебных России сил как в обеих мировых войнах, так и сегодня, несмотря на сохранение русофильского течения, которое по-прежнему отмечает памятные даты русско-болгарской истории. (Так, 10 декабря 2022 г. в Софии и других местах прошли манифестации в память о жертвах России под Плевной.)

Сербы всегда сочувствовали бедам русских и России. Немало сербов переходили в русское подданство и доблестно сражались в русской армии. Имена представителей русских дворянских родов сербского происхождения Н.И. Депрерадовича, И.Е. Шевича, В.А. Вуича, М.К. Ивелича, А.С. Милорадовича, И.М. Дуки, отличившихся в русских военных походах и на Бородинском поле, можно увидеть среди портретов в Военной галерее Зимнего дворца. После революции именно Сербия стала второй родиной, домом для русской эмиграции, местом создания Русской зарубежной церкви. Русские профессора в Париже были вынуждены работать таксистами и рабочими на предприятиях, а в Белграде они создавали научные школы и направления, преподавали в университетах. Русский эмигрант Н.П. Краснов, «архитектор двух монархов»¹, впоследствии занял высокую должность инспектора Министерства строительства Югославии и внес существенный вклад в украшение Белграда.

Король Александр I Карагеоргиевич, выпускник Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге, страстно любивший свою вторую родину — «майку Русию» (матушку Россию), создал редкие условия для того, чтобы русские в изгнании продолжали свою культурную и интеллектуальную деятельность. Именно король Александр подарил им прекрасный «Русский дом», где и в настоящее время проходят культурно-просветительские и общественные форумы и мероприятия. «Вы должны сохранить за русскими русскую душу... они приехали со своими семьями, — говорил король сербскому ученому А. Беличу. — Каждая семья это народ в миниатюре, это протоначалю каждого народа... русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа — начальная и средняя — должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без которой их семья — оторванный листок от могучего дерева. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей... Приютить, накормить, вылечить — хорошо... Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере — вы ничего для него не сделали... Помните всегда, что есть в мире народ, который пожертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр — также кусок хлеба. Это — наши русские» [Никольский].

Сербия создала русским в изгнании особую обстановку, особую цельную атмосферу, в которой состоялась «Русская Сербия», родилось удивительное явление русско-сербской культуры — своеобразная литературная, мыслительная, философская традиция, поэзия, живопись русских в Сербии [Бондарева].

Понимание России и ее судьбы свойственно в Сербии не только массам народа, но и широким слоям интеллигенции, бизнеса, университетского сообщества, политической элиты, правым и левым. Даже сербские западники в прошлом и в настоящем — не

1 Н.П. Краснов известен строительством дворцово-парковых ансамблей на Южном берегу Крыма для Императорского дома Романовых и Александра I Карагеоргиевича, короля молодого государства — Королевства Сербов, хорватов и Словенцев, в межвоенной Югославии.

русофобы, а скептики и прагматики. Это и делает Сербию пока достаточно монолитной в своей позиции. России же надлежит ценить эту верность и стратегическую значимость сербского сопротивления. Это, действительно, «Балканский рубеж России» [Пономарева], и он имеет в нынешних реалиях колоссальную важность в идейном, геополитическом и военном измерениях.

Глубина понимания Русского мира со стороны сербства объясняется, помимо некоей неискоренимой родственности, еще параллелизмом исторических испытаний, которые обязан знать каждый, осмелившийся судить о Балканах. Ретроспективный взгляд на мировую историю двух последних веков и место в ней России и Сербии, чьи судьбы оказываются сегодня столь очевидно связаны, побуждает рассматривать драматические процессы с конца XX в. по настоящее время как неизбежное проявление исторических и, особенно, геополитических амбиций, как попытку реализовать некогда неосуществленные и отложенные проекты.

В настоящее время русские и сербы являются разделенными народами, что и теми и другими ощущается как историческая несправедливость, драматическая утрата предыдущих свершений, как черная полоса исторического процесса, абсурдная плата за коммунистический эксперимент и «тоталитаризм». Русские, занятые спорами об устройстве государства, неспособные найти согласие ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего, не смогли спасти многовековое отечество в его целостности. Нечто подобное произошло и в сербском сознании. После звездного часа послевоенной Югославии как значимого игрока мировой истории, осуществленного за счет сербства и сербской истории, после лидерства в Движении неприсоединения, успешного лавирования между двумя враждующими блоками, сербы оказались фрагментированы, пригвождены к позорному столбу в «мировом» общественном мнении, названы, как и русские, угнетателями других народов федерации.

Масштабы России и Сербии несопоставимы, и поэтому сербское сопротивление давлению, впервые совпав по фазе с сопротивлением России, видит в этом совпадении шанс.

В 1990-е годы, когда сербы героически сопротивлялись, Россия не захотела и не смогла предотвратить трагедию Косово [см.: Гуськова Внешняя политика... Ее же: Югославия...]. Ее поползновение в момент агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. проявить свободную государственную волю, не порабощенную обязательствами перед Западом, не имело продолжения, и шанс был упущен. Роль России не была регламентирована резолюцией ООН, и Москва могла выбрать иной сценарий действий, вплоть до заключения соглашения с Белградом о статусе и дислокации своих войск, подобное тому, что укрепшая волей Россия имеет с Сирией. Неслучайно знаменитый маршбросок символического российского отряда из Боснии и занятие аэродрома Слатина, с неистовым восторгом и слезами встреченные косовскими сербами, вызвали серьезнейшую панику в Брюсселе — победа НАТО в руках Москвы могла оказаться пирровой, если бы российский контингент, даже при той же численности, получил иной, самосто-

ятельный статус. Однако именно натовские бомбардировки Югославии стали переломным моментом в процессе отрезвления российского общества от эйфории вхождения в мировое «цивилизованное сообщество».

2022 г. стал рубежом эпох. Россия совершает драматический «акт самосознания», ключевой как для внутреннего состояния, так и для ее внешнеполитического положения, акт запоздалого самоопределения в геополитических и духовных реальностях XXI в. Русский выбор несет и угрозы, и риски, и жертвы, но и возможность победного восстановления. Этот акт государственно-национальной воли символизирует возвращение в мировую историю и на мировую арену самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла бытия, способной на историческую инициативу. Этот выбор подорвал америкоцентричный миропорядок и обесценил его аксиоматику.

Дерзкий и неожиданный ответ России на вызов стал стержнем и нервом мировой политики, венчая целую эпоху. Крайняя степень вовлеченности англосаксонского и евроатлантического мира в противостояние с Россией говорит о том, как велики ставки. Не случайно в экспертном сообществе обеих сторон нынешнее противостояние нередко называют третьей мировой войной, исход которой неизбежно повлечет неизбежные масштабные и глубокие потрясения, смену ролей мировых цивилизаций, исторических и экономических укладов, мировоззрения, ценностей, не говоря уже о военных конфигурациях и основе современной финансовой экономики — долларом мировом ценообразовании.

Для сербства осознанно или подсознательно российский вызов — это отмщение, долгожданная пощечина совокупному Западу за унижения и демонизацию, за бомбардировки 1999 г., за расчленение сербской нации. Это шанс удержать ситуацию с Косово хотя бы в замороженном состоянии. Это и удовлетворение от того, что не напрасно выжила в 1990-е вера сербов в Россию, чья внешняя политика отрекалась от двухсотлетних принципов, национальных интересов и исторических союзников.

Россия и русские в современном сербском сознании, в сербских надеждах и чаяниях это все еще «великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании...», который наконец-то «восстал из мнимого гроба и потребовал назад свои права» [Ильин, с. 254]. Сербская и русская история, как и отношение к ним в контексте европейской и мировой политики, содержат слишком много схожего, и сербам не раз приходилось на себе испытать недоверие Европы именно из-за отождествления Западом русских и сербских устремлений и неприятия их перспектив. Драматические вехи истории — русская победа на Куликовом поле и сербское поражение на Косовом поле в те же годы — стали опорными пунктами исторического сознания. «Лучше в гробу, чем быть рабу» — это сербская поговорка: «Больше гроб — нього роб». Видение князю Лазарю, выбравшему венец небесный, а не земной успех, есть легендарная основа сербского национального самосознания, стержень национальной церковной и светской историографии.

Есть события, которые программируют мировые процессы на целые исторические эпохи. Существуют и долговременные геополитические феномены и линии напряжения. Варшава, раздвоенная между славянством и латинством, столетиями интригует против Москвы, Сеул веками опасается Токио, а Дамаск и Багдад соперничают друг с другом со времен Омейядов и Аббасидов.

Слабость России неизбежно возрождает Восточный вопрос, а судьба Сербии вновь зависит от силы и самостоятельности России. Международные процессы рубежа XX–XXI вв., порожденные распадом СССР, эрозией миропорядка и отречением России от своего великодержавия, немедленно отразились на Балканах. Стало видно, насколько этот ключевой регион зависим от любого изменения соотношения сил и, наоборот, насколько любые изменения в балканском стратегическом регионе отражаются на возможностях и позициях России. Уже в 1990-е годы, после утраты Крыма и Севастополя, в разгар Балканского кризиса, было ясно, что на карту поставлены двухсотлетняя державная работа России на Юге, ее присутствие на Черном море и военно-стратегический баланс в Средиземноморье, судьба Крыма, Закавказья, будущее восточно-христианского мира.

Полезно вспомнить, что всю вторую половину XIX столетия главной темой европейской политики были Восточный вопрос, территориальные и цивилизационные последствия распада Османской империи для европейских держав и их роли в Средиземноморско-Черноморском регионе и в контроле над Проливами. Это находилось в тесной зависимости от позиций и силы России, вынужденной соизмерять свои стремления с тем, насколько великие державы могли допустить укрепление ее позиций. И для России это был вопрос вопросов, вокруг которого завязывались сюжеты и узлы остальных европейских дел [Нарочницкая Л.И.].

Не Лондон и Вашингтон, как после Второй мировой войны и в XXI столетии, а Константинополь и Вена были наиважнейшими дипломатическими представительствами Российской империи, особенно после Крымского поражения. Азиатский департамент и его ближневосточный отдел (Балканы, Турция), единственный, где переписка велась на русском, а не на французском языке, — вот где во многом определялись приоритеты и исходные позиции для внешнеполитического планирования на других направлениях. Изучение этих дипломатических перипетий становится все более актуальным через почти полтора столетия. Сербский академик Славенко Терзич, недавно опубликовавший масштабное и превосходно документированное исследование российской внешней политики на Балканах, приводит мнение генерала-панслависта Р. Фадеева, добровольцем воевавшего на Балканах, и ярого болгарофила, посла в Константинополе графа Н. Игнатьева, что «без выхода к Средиземноморью Россия — что птица с одним крылом» [Терзич, с. 385]. (Надо отметить, что «славянское рвение» Игнатьева часто далеко выходило за рамки инструкций из Петербурга, что было известно и в других столицах.)

Неудивительно, что и в нашу эпоху Сербия, подобно России, немедленно оказалась в центре геополитического реформатирования мира 1990-х годов. Как и в России,

сербское общество было раздираемо соблазнами соперничавших в XX в. версий земного рая. И так же, как Россия, но в куда более бесцеремонной форме, Сербия сразу испытала пренебрежение ее жизненными интересами, предательство и поношение всей своей истории. Бомбардировки Югославии — государства-основателя ООН и подписанта Хельсинкского акта, подтвердившего послевоенные границы, — символизировали конец целого свода международных принципов, на которых была выстроена послевоенная система международных отношений. Можно сказать, что именно с этого слома послевоенного порядка границы в Европе стали зыбкими.

Литература

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М. 1993.

Никольский Е.В. Сербский король-страстотерпец Александр I Карагеоргиевич // Институт современных гуманитарных исследований. — URL: isgi.ru/article/nikolskiy-ev-serbskiy-korol-strastoterpec-aleksandr-i-karageorgievich (дата обращения: 23.12.02).

Бондарева Е.А. Русские корни-сербские ветви. Поэзия и живопись Русской Сербии. 1920–1945. М. 2022.

Пономарева Е.Г. Балканский рубеж России. Время собирать камни». М. 2018.

Гуськова Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). СПб. 2022.

Гуськова Е.Ю. Югославия: Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. СПб. 2020.

Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России. V // Наши задачи. Т.1. М. 1992.

Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. 2-е изд. М. 2022.

Терзић С. На капијама Константинопоља. Русија и балканско питање у 19. Веку. Историйский Институт. Београд. 2021.